

Векторы интеграции и дезинтеграции Азиатской России: перспективы будущего и дискуссия о настоящем

Ерохина Елена Анатольевна,

доктор философских наук,

ведущий научный сотрудник

Института философии и права СО РАН,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

ORCID: 0000-0003-1513-4557

leroh@mail.ru

Аннотация

В статье поднимается проблема дефицита стратегического планирования в развитии территорий на востоке России. Отмечается особый статус сибирского макрорегиона с точки зрения целостности РФ. Подчеркивается эвристическая ценность концепта «Азиатская Россия», отсылающего к геополитическим рискам начала XX века. Выделяются не преодоленные до настоящего времени вызовы ее развитию. К ним относятся географическая удаленность центра от территориально обширной периферии, социальная отчужденность провинций от столичных анклавов, культурная дистанция между представителями различных этносов. В качестве возможностей для опережающего развития макрорегиона обозначены ресурсы человеческого потенциала на востоке России, цивилизационная многовекторность ее урало-сибирской сердцевины, устойчивость межэтнических сообществ.

В качестве методологической основы исследования используется концепция В.Л. Цымбурского «Остров Россия». На основе данных Росстата и дискурсивного анализа «Стратегии социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года» показаны риски недооцененности человеческого капитала для будущего Азиатской России и страны в целом. Главным управленческим риском в долгосрочной перспективе может оказаться ориентация на «сырьевую» специализацию, что грозит обезлюдением огромных пространств. Делается вывод о безальтернативности «поворота на Восток» и ускоренного развития азиатских регионов России как ядра проекта «Большая Евразия».

Ключевые слова: векторы развития, Сибирь, проект «Большая Евразия», человеческий капитал, внутренняя геополитика, Азиатская Россия.

Vectors of Integration and Disintegration of Asian Russia: Prospects for the Future and Discussion about the Present

Elena Erokhina,
Dr. Sc. (Philosophy),
Leading Researcher,
Institute of Philosophy and Law SB RAS,
8 Nikolaeva Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-1513-4557
leroh@mail.ru

Abstract

The article raises the problem of the lack of strategic planning in relation to the development of territories in the east of Russia. The author highlights the special status of the Siberian macro-region in terms of the integrity of the Russian Federation as well as the heuristic value of the concept “Asian Russia”, referring to the geopolitical risks of the early 20th century. The author analyses the challenges of its development that have not been overcome so far. These include the geographical remoteness of the center from the territorially vast periphery, the social alienation of the provinces from the capital enclaves, and the cultural distance between representatives of different ethnic groups. The resources of human potential in the east of Russia, the civilizational multi-vector nature of its Ural-Siberian core, and the stability of interethnic communities are designated as opportunities for the accelerated development of the macroregion.

The methodological basis of the study is the concept of V.L. Tsymbursky “Island of Russia”. On the basis of Rosstat data and the discursive analysis of the “Strategy for the socio-economic development of the Siberian Federal District until 2035”, the risks of underestimation of human capital for the future of Asian Russia and the country as a whole are shown. The main management risk in the long term may be the focus on “raw materials” specialization, which threatens to depopulate vast areas. It is concluded that there is no alternative to a real “turn to the East” and the accelerated development of the Asian regions of Russia as the core of the “Great Eurasia” project.

Keywords: development vectors, Siberia, Great Eurasia project, human capital, domestic geopolitics, Asian Russia.

Библиографическое описание для цитирования:

Ерохина Е.А. Векторы интеграции и дезинтеграции Азиатской России: перспективы будущего и дискуссия о настоящем // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 4, ч. 1. – С. 150–166. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.4.1-150-166.

Erokhina E. Vectors of Integration and Disintegration of Asian Russia: Prospects for the Future and Discussion about the Present. *Ideji i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 4, pt. 1, pp. 150–166. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.4.1-150-166.

В начале XX века В.П. Семенов-Тянь-Шанский, поднимая на заседании Императорского Русского географического общества проблему диспропорций регионального развития России, отмечал: «Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стремиться соединить их в одно географическое целое. ... Следует выделить на пространстве между Волгой и Енисеем, от Ледовитого океана до самых южных границ государства, особую культурно-экономическую единицу в виде Русской Евразии, не считая ее никоим образом за окраину, а говорить о ней уже как о коренной и равноправной во всём русской земле, как мы привыкли говорить об Европейской России» [11, с. 145–146]. Его аргумент в пользу данного проекта опирался на необходимость компенсировать геополитический дисбаланс, вызванный пространственной удаленностью столиц от большинства регионов страны.

Не только пространственная, но также экономическая и иерархическая выделенность столичных анклавов составляет одну из реалий внутренней геополитики России. «Серые зоны» управленческой коммуникации, недостаток обратной связи, отчуждение провинций от столиц осмысливаются обществом как угроза интеграции социокультурного пространства страны. Об этой угрозе предупреждал Г.Н. Потанин: «Чем обширнее территория, тяготеющая к одному центру, тем остальное пространство обездоленнее и пустынное в культурном и духовном отношении» [9, с. 98].

Наконец, дополнительным источником геополитического дисбаланса является противоречие между уникальным человеческим потенциалом Русской Евразии и ее привычным восприятием из центра как периферии. Восприятие своего положения как зависимого рождает чувство депривации, формирует миграционную мотивацию, обнажает неравенство пространственного развития. Эти неоднозначные эффекты усиливаются по мере продвижения на восток России.

Таким образом, насущной остается проблема оценки текущих вызовов среднесрочной и долгосрочной конъюнктуры, стоящих перед Россией, и адекватного ответа на риски, вызванные недооцененностью ее регионального развития. Так, следствием отношения к Азиатской России как к периферии оказывается нерешенность ключевых демографических (спад рождаемости и миграционный отток в западном направлении), экономических (недостаток внутренней связанности территорий макрорегиона, их отчужденность от центра), социальных (выраженные региональные диспропорции и депривация населения) проблем Сибири и Дальнего Востока.

В настоящей статье под Азиатской Россией понимаются регионы Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, а также входящей в состав Уральского федерального округа Тюменской области вместе с Ямало-Ненецким и Ханты-Мансийским округами. Территории данного ма-

крорегиона исторически назывались Сибирью и включали в свой состав также земли бывшего Степного края. В XIX веке территориальная экспансия Российской империи и завоевание Средней Азии, с одной стороны, освоение Дальнего Востока и раннее становление дальневосточной идентичности, с другой стороны, предопределили становление сибирского самосознания. В историко-культурном отношении этот процесс завершился лишь в 20–30-х годах XX века, когда советской властью была оформлена административная единица Сибирский край, впоследствии разделенный на Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский.

Азиатская Россия 2.0

В Российской империи Азиатская Россия рассматривалась как окраина. Такое отношение к ней было воспринято отчасти и советской властью. К этому были объективные причины: неразвитость социальной и транспортной инфраструктуры, отсутствие крупных промышленных комплексов, недооценка потенциала региона. В XX веке произошли серьезные изменения в оценке ее роли в социокультурном пространстве России. По мнению В.А. Крюкова и В.А. Рыжкова, развитие экономики Сибири привело к появлению новой роли макрорегиона, а именно, ядра связанности и устойчивости экономики страны, ее целостности. «Россия на протяжении четырех веков развивается благодаря не только природному потенциалу Сибири, но и, что не менее важно, уникальному человеческому потенциалу, который был создан, воспроизводился и развивался на ее территории в течение всего этого времени» [5, с. 109]. Тем не менее определенная амбивалентность восприятия территорий и населения в восточной части страны со стороны центра сохраняется и сегодня.

Между тем существующие факторы среднесрочной конъюнктуры убеждают в том, что альтернативы новой «евразийской интермедии» для России нет. В концепции В.Л. Цымбурского «Остров Россия» понятие евразийской интермедии служит для обозначения смены геополитического вектора развития страны с европейского на внутренний [15, 16]. Введенные в отношении России рестрикции и заявленный ею «поворот на Восток» с неизбежностью ставит вопрос о ресурсах, обеспечивающих ее технологический и когнитивный суверенитет, а значит, о преодолении отчуждения между центром и макрорегионом. Это означает, что сложные вопросы развития азиатской части России, а именно: дефицит инвестиций и бюджетов регионов и муниципалитетов, вызванный эффектом «шоковой терапии», падение квалификации рабочей силы и ее численности, низкий уровень доверия между властью и бизнесом, должны получить свое решение [5, с. 125].

В долгосрочной перспективе можно констатировать безальтернативность многовекторности цивилизационного развития России. Эта много-

векторность предопределена уникальностью ее человеческого потенциала, в том числе спецификой этнического многообразия России. В Азиатской России за постсоветское время произошло развитие многоукладности как основы экономической диверсификации; развитие регионализации способствовало росту политической субъектности регионов в системе российского федерализма, росту национального и регионального самосознания при становлении российской общегражданской идентичности. С другой стороны, ориентация на сырьевую специализацию России в международном разделении труда усилила эксплуатацию энерго-, био- и рекреационных ресурсов регионов. Сократилась их производственная база, уменьшилась доля коллективных хозяйств в структуре их агрокомплекса.

Это привело к маргинализации части населения, утрате ею части традиционных знаний, сокращению сферы употребления родного языка. Дотационная зависимость регионов от федерального бюджета, экономическое соседство с бурно развивающимся Китаем и кризис, обусловленный западными санкциями и девальвацией рубля, делают эти регионы уязвимыми. Это обстоятельство относится не только к развитым в промышленном отношении субъектам РФ с диверсифицированной экономикой, но и к полностью дотационным, ориентированным на сельское хозяйство и экологический туризм регионам, каковой является, например, Республика Алтай.

Методологическим основанием нашего анализа является концепция внутренней геополитики М.В. Ильина и В.А. Цымбурского. В работах Ильина раскрывается роль урало-сибирского макрорегиона в качестве второго, наряду с Центральной Россией, «ядра» внутреннего геополитического пространства России [3, 4]. В «островной» концепции В.А. Цымбурского значительное внимание уделяется дискурсивной составляющей образа этой «парадоксальной сердцевины» в общественном сознании россиян [14].

Парадоксальность ее сибирского «ядра», на которую мы обращали внимание в других статьях [1], заключается в следующем. Оставаясь внутренним регионом, Сибирь является трансграничной областью со странами Центральной Азии – Казахстаном и Монголией, народы которых принадлежат к кочевой, тюрко-монгольской ойкумене. Ее области соприкасаются не только с российской цивилизационной платформой, но и с государствами, принадлежащими иным цивилизациям: Среднего Востока, Индии, Китая. Это предполагает не только наличие определенного сходства с обществами, составляющими упомянутые цивилизационные круги благодаря вхождению в политические структуры и межгосударственные союзы. Не менее важны культурные, конфессиональные, языковые, экономические и даже родственные связи народов Большой Евразии поверх государ-

ственных границ. При этом выход в Арктику обеспечивает России доступ к циркумполярным территориям, что делает неизбежным контакт с евроатлантической цивилизацией в этом стратегическом для всего мира пространстве [2, с. 16].

При всей значимости дискурсивной методологии не менее важны и иные, внесемиотические инструменты оценки статуса сибирского макрорегиона. Таковым, на наш взгляд, является институциональный подход в той интерпретации, которую развивает новосибирская школа ресурсной экономики. Новизна этого подхода заключается в обосновании необходимости инновационной модели ресурсного режима с опорой на человеческий капитал макрорегиона, его уникальные компетенции, науку и образование мирового уровня [6, с. 67].

В настоящее время фронтальной между Сибирью и Дальним Востоком является территория Забайкальского края, который ныне вместе с Бурятией и Якутией входит в состав Дальневосточного федерального округа. Тюменская область, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа в составе Уральского федерального округа представляют ее западные фронты. Сибирь остается связующим звеном между Европейской Россией, чьи границы заканчиваются на Урале, и российским Дальним Востоком, что и предопределяет ее роль центра Азиатской России современной РФ. Это положение отражено в столичном статусе Новосибирска в Сибирском федеральном округе.

Сегодня республики Средней Азии и Казахстана, на территории которых в начале XX века распространялся статус Азиатской России, стали независимыми государствами. Однако ресурс российской «мягкой силы» и экономическая интеграция стран региона в сложившиеся к началу XXI века межгосударственные союзы превращают сибирский макрорегион в сердце «Большой Евразии», проекта интеграционного объединения, который призван в условиях «поворота на Восток» усилить потенциал суверенитета РФ.

Существенным ресурсом «мягкой силы» и катализатором интеграционных процессов является человеческий фактор, в том числе этнические, конфессиональные и религиозные связи народов «Большой Евразии» в условиях институционального сходства тех постсоветских обществ, частью которого эти народы являются. Этнический фактор как фактор «мягкой силы» и цивилизационной привлекательности России для ее соседей игнорируется ее элитами. Однако сибирский кейс интеграции ее народов в полиэтничные структуры российского общества остается по настоящее время модельным.

Перспективы развития Азиатской России как ядра проекта «Большая Евразия» и оценка стоящих перед ее межэтническими сообществами вызо-

вов, не умаляя ценности других пространственных векторов этого проекта, и являются задачами настоящей статьи.

Стратегия и стратеги

26 января 2023 года распоряжением Правительства РФ была принята новая «Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года». Заявленная в более раннем аналогичном документе, принятом Правительством РФ в 2010 году [12], задача преодолеть негативный демографический тренд не была достигнута. Для иллюстрации этого тезиса обратимся лишь к некоторым показателям, иллюстрирующим динамику человеческого развития.

Динамика численности населения региона показывает тенденцию к убыванию после незначительной флуктуации в середине 2010-х годов. В Алтайском крае, Иркутской, Кемеровской и Омской областях процесс его сокращения стал в последние десятилетия устойчивым трендом (табл. 1). По этому показателю Сибирский федеральный округ (далее СФО) входит в тройку аутсайдеров вместе с Приволжским и Дальневосточным федеральными округами [10, с. 44].

Таблица 1

Численность населения Сибирского федерального округа
(оценка на конец года; тыс. чел.)¹

Table 1

Population of the Siberian Federal District (end of year estimate; thousand people)

Регион	Год					
	2005	2010	2015	2019	2020	2021
По округу в целом	17 404	17 174	17 259	17 118	17 004	16 890
Республика Алтай	202	207	215	220	221	222
Республика Тыва	303	308	316	327	330	333
Республика Хакасия	534	532	537	534	532	529
Алтайский край	2503	2417	2377	2317	2296	2268
Красноярский край	2869	2829	2866	2866	2856	2849
Иркутская область	2492	2428	2413	2391	2375	2357
Кемеровская область	2806	2761	2718	2658	2634	2604
Новосибирская область	2655	2666	2762	2798	2786	2780
Омская область	2016	1977	1978	1927	1904	1880
Томская область	1024	1049	1077	1080	1070	1068

¹ По данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» [10].

Еще более красноречива статистика в отношении средней продолжительности жизни. СФО по этому показателю уступает всем федеральным округам, кроме Дальневосточного, который находится на последнем, 8-м месте. Ожидаемая средняя продолжительность жизни в округе, по данным Росстата, в 2021 году составила всего 68,3 года, показав снижение не только по отношению к допандемийному 2019 году, но и к более раннему 2015 году [10, с. 80]. Тенденция сокращения средней продолжительности жизни населения относится ко всем его субъектам (табл. 2).

Таблица 2

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в Сибирском федеральном округе (число лет)²

Table 2

Life expectancy at birth in the Siberian Federal District (number of years)

Регион	Год				Место, занимаемое в РФ в 2021 г.
	2010	2015	2019	2021	
По округу в целом	67,10	69,31	71,12	68,30	7
Республика Алтай	65,68	68,44	70,29	67,86	75
Республика Тыва	60,45	63,13	67,57	66,87	82
Республика Хакасия	67,10	68,68	71,05	68,49	64
Алтайский край	68,36	70,44	71,61	68,60	60
Красноярский край	67,57	69,69	71,16	68,34	66
Иркутская область	65,26	67,37	69,55	66,80	84
Кемеровская область	65,42	68,31	69,78	67,61	79
Новосибирская область	69,28	70,86	72,25	69,19	42
Омская область	68,78	70,41	72,32	69,02	50
Томская область	68,83	71,25	72,85	69,70	34

Таким образом, в округе нет ни одного региона, который смог бы выйти на российские показатели ожидаемой продолжительности жизни в 70,06 года. При ожидаемой в 2021 году продолжительности жизни в СФО, которая составила 68,30 года, мы обнаружили четыре субъекта, где эти показатели существенно ниже: Республика Алтай, Республика Тыва, Иркутская и Кемеровская области. На их фоне Новосибирская, Томская и даже Омская области выглядят как вполне благополучные.

Чем дальше на восток России, тем очевиднее тренд демографического неблагополучия. Очевидными аутсайдерами на фоне этой статистики вы-

² По данным статистического сборника «Регионы России. Социально-экономические показатели» [10].

глядят Кемеровская и Иркутская области. Если в Республике Тыва и Республике Алтай низкая продолжительность жизни компенсируется высокой рождаемостью, то в других регионах Сибири даже миграция вряд ли сможет заместить сокращающееся население.

Здоровье и благополучие в решающей степени зависят от жизненных перспектив, прежде всего от творческой, приносящей удовлетворение и хорошо оплачиваемой работы. Обращаясь к показателям социально-экономического развития, отражающим место регионов округа среди других субъектов РФ по уровню занятости и безработицы, отметим следующее. Две национальные республики СФО из трех, а именно Республика Алтай и Республика Тыва, дают самый низкий уровень занятости (77-е и 84-е место в рейтинге регионов) и самый высокий уровень безработицы (79-е и 83-е место соответственно) [10, с. 169].

Сравнивая субъекты Западной и Восточной Сибири по этому параметру, мы обнаруживаем ухудшение ситуации с занятостью по мере продвижения на Восток. Если не принимать в расчет Красноярский край с его специфичной для ресурсодобывающего региона отраслевой структурой занятости, то выявляется следующая особенность. Более высокий уровень занятости при сопоставимом уровне безработицы явным образом демонстрируют Новосибирская (34-е и 63-е места соответственно), Омская (27-е и 65-е место) и Томская области (43-е и 68-е место) в сравнении, скажем, с Республикой Хакасия (64-е и 64-е место), Кемеровской (71-е и 56-е место) и Иркутской (52-е и 62-е место) областями [10, с. 169].

Текущая ситуация не могла не сказаться на уровне благосостояния населения, который отражает величина среднедушевого дохода. В 2021 году величина общероссийского среднедушевого денежного дохода составила 40 272 руб., в Сибирском федеральном округе – 30 770 руб. Только в трех субъектах – Красноярском крае (23-е место среди субъектов РФ), Новосибирской и Томской областях (соответственно 25-е и 43-е место рейтинга) – эта сумма оказалась выше, чем в среднем по округу, в Иркутской и Омской областях – незначительно ниже (47-е и 51-е место). Остальные регионы, в том числе три национальные республики (Алтай, Тыва и Хакасия), Алтайский край и Кемеровская область не смогли дотянуть до показателя в 29 тыс. руб. Антирейтинг самых низких показателей среднедушевого дохода возглавили Алтайский край (74-е место, 26 010 руб.) и национальные республики: Республика Хакасия (73-е место, 26 068 руб.), Республика Алтай (77-е место, 23 798 руб.), Республика Тыва (83-е место, 20 652 руб.). Ни один из регионов округа не достиг общероссийских показателей, несмотря на положительную динамику в абсолютных значениях [10, с. 199].

Новая Стратегия развития СФО до 2035 года в числе основных проблем и вызовов развития округа в разделе III выделяет ряд комплексных

проблем, которые можно условно разделить на три категории: социальные, экономические и экологические. К первой категории можно отнести обозначенные разработчиками Стратегии следующие проблемы: низкий, ниже среднероссийского, уровень денежных доходов населения и наибольшая относительно других округов доля населения с доходами ниже прожиточного минимума; низкое качество среды для жизни и низкое качество городской среды; сокращающееся население и негативные демографические тенденции. Ко второй категории – низкую глубину переработки ресурсов в сочетании с ее привязкой к географическому местоположению; низкий уровень развития транспортно-логистической инфраструктуры, удаленность ряда регионов СФО от рынков сбыта, повышающую транспортные издержки. Высокий уровень загрязнения воды и атмосферы в городах, большое количество производимых отходов и низкий уровень их переработки, загрязнение химическими веществами и выбытие земель из оборота ввиду отсутствия эффективной системы реабилитации и рекультивации земель обозначены в качестве экологических проблем [13].

Характеризуя в разделе II отдельные субъекты СФО, их конкурентные преимущества и потенциал развития, разработчики Стратегии справедливо отмечают сочетание богатства природных ресурсов, выгодного географического положения и накопленного высококвалифицированного трудового ресурса. Дискурс о необходимости удержания ценного человеческого ресурса на территории разворачивается в парадигме кластерного подхода. Речь идет о необходимости создания производственных цепочек максимально возможной длины, развития инфраструктурных проектов и диверсификации в экономике и качественных условий жизни в социальной сфере. Нет сомнений в значимости данных приоритетов. Однако в условиях перехода к новым технологическим укладам и сопутствующей ему трансформации социальных практик традиционные отрасли народного хозяйства нуждаются в модернизации. И действительно, словосочетания, содержащие смысловые единицы, коррелирующие с понятием «инновация», встречаются в разделе II четырежды (*инновационный центр, инновационное развитие, инновационный кластер, инновационная деятельность*) [13]. При этом они используются в описании единственного субъекта СФО – Новосибирской области.

Самый беглый просмотр целей, задач и приоритетов из раздела IV оставляет впечатление декларативности документа [13]. Приток частных инвестиций и создание промышленных кластеров, развитие инфраструктурных проектов и удлинение производственных цепочек, даже диверсификация экономики – не только давно назревшие, но и явно перезревшие «ответы» на существующие вызовы. Они не являются «новыми ключами» к «старым дверям» и их по справедливости можно отнести к универсаль-

ным, но не специфичным для сибирского макрорегиона решениям [13]. Положительно можно оценить сам факт осознания глубины стоящих проблем. Однако в эпоху доминирования парадигмы экономики знаний и человеческих компетенций, укоренившейся в обществе дигитализации и развития искусственного интеллекта, более чем странно не найти в документе даже упоминания об этих стратегических для социально-экономического развития страны направлениях.

Как положительную можно оценить тенденцию к частичному возврату мобилизационных практик советского периода, к роли государственного участия в инфраструктурных проектах. Между строк об индустриальных кластерах искусственный читатель увидит аналогию с территориально-производственными комплексами (ТПК) позднего СССР, а в пункте о выравнивании «социально-экономического положения и условий реализации прав граждан с территориями европейской части Российской Федерации» [13] – ностальгию по советскому дискурсу о социальной справедливости, и т. д. Однако в документе нет ничего о наукоемких и высокотехнологичных производствах, наиболее престижных и «продвинутых» отраслях экономики.

В разделе IV Стратегии, который носит название «Цели, задачи и приоритеты социально-экономического развития Сибирского федерального округа», концепты, связанные с человеческим развитием, встречаются нечасто. Самая часто встречаемая смысловая единица, *население*, здесь встречается в двух контекстах: *устойчивый рост* и *улучшение здоровья*. Понятие *человеческий капитал* встречается единожды. Дважды встречается словосочетание *(высоко)квалифицированные специалисты (работники)*. Если в первом случае контекст понятен (речь идет о привлекательности Сибири для внутренней и международной миграции), то во втором случае в связи со словом *пул* оно употребляется в контексте снижения затрат на инфраструктуру и сокращения транзакционных издержек. Замени указанное словосочетание любым другим, смысл останется таким же темным.

Остальные смысловые единицы недвусмысленно связывают перспективы развития макрорегиона с индустриально-сырьевой парадигмой освоения, как и сто лет назад. Так, например, смысловая единица *сырьевая база* встречается в разделе IV единожды, *природные ресурсы* – дважды, *окружающая среда* – дважды, *индустриальный кластер* – дважды [13]. Однако то, что было прорывным для XX века, в наступившем XXI веке не может быть единственным ориентиром.

Отрадно, что среди выделенных в СФО кластеров оказались максимально учтены сложившиеся к настоящему времени отрасли народного хозяйства, такие как лесопереработка и лесохимия, переработка алюми-

ния, драгоценных, цветных и редкоземельных металлов, туризм, сельское хозяйство и пищевая промышленность, нефть, газ и уголь. Однако удивляет отсутствие в этом стратегическом документе упоминания о прорывных отраслях, которые уже сформированы несырьевыми производственными цепочками в субъектах СФО. Речь идет о сферах, тесно связанных с наукой и внедрением инновационных разработок в производство, где сегодня наблюдается прогресс знания, появляются новые технологии. Именно такие инновации укрепляют базис технологического суверенитета страны, формируют новые потребительские рынки, рожают привлекательный, открывающий возможности для самореализации образ желаемого будущего. В отдельный кластер, например, можно было бы выделить авиастроение и космическую отрасль, развитие которых «тянет» за собой технологии беспилотной авиации, искусственного интеллекта, дополненной реальности и др. Для развития такого кластера в округе есть производственные мощности, кадры и их воспроизводство, организационные модели интеграции, научные школы и т. д. Этот перечень можно продолжить другими примерами.

Состоится ли «поворот на Восток»?

Явная недооценка человеческого потенциала СФО может быть экстраполирована и на соседние Уральский и Дальневосточный федеральные округа. В таком случае роль Азиатской России как составной части проекта «Большой Евразии» не осмыслена в стратегическом планировании. Из этого мы можем заключить, что новая Стратегия имеет те же родовые пятна, что и прежняя.

Недостатки Стратегии достаточно полно раскрыты в интервью академика В.А. Крюкова [7]. В их числе стоит упомянуть следующее: отсутствие научного сопровождения программы и недостаточная вовлеченность в обсуждение местных академического и бизнес-сообществ; недооценка специфики и уникальных особенностей пространственного развития региона; непонимание роли человеческого потенциала Азиатской России в трансграничных проектах. В итоге «Сибирь на протяжении всех последних тридцати лет дрейфует по воле ветра и волн» [5, с. 120]. Отличительными особенностями так называемой «адаптационной модели» стали закрепление доминирующей роли в экономике региона добычи сырьевых ресурсов и дезинтеграция экономического пространства. В последнем случае речь идет о встраивании российских предприятий в производственные цепочки за пределами России в ущерб сложившимся внутренним производственным связям. Всё это, по мнению В.А. Крюкова и В.А. Рыжкова, становится барьером, препятствующим выходу региона и страны на верхние этажи мировой экономики [5, с. 120].

Конфликт между заявленным проектом интеграционного объединения «Большой Евразии» и реальной стратегией развития его ядерной части обозначает новые вызовы. Первый вызов заключается в качестве трансграничной интеграции. Основная часть товаров, произведенных в рамках международной кооперации, представляет собой сырье или имеет значительную долю сырьевой составляющей. Товары же, поступающие в Россию, представляют собой, как правило, уже готовые изделия. Тем самым происходит закрепление уже сложившегося сырьевого статуса России в международном разделении труда.

Второй вызов заключается в быстром развитии не только Китая, но и соседних государств Центральной Азии – Казахстана и Монголии. Эти обстоятельства требуют опережающего развития региона. Глобализация создает предпосылки для социального сравнения. Объект сравнения может быть выбран достаточно произвольно, современные средства коммуникации дают такую возможность. Инструментом преодоления социального неравенства может стать не только созидательное преобразование, но и депривация.

К примеру, до 2014 года россияне более активно потребляли товары и услуги наших южных соседей – покупали кашемир в Монголии, ездили за товарами и услугами в Китай, привлекали на работу наших бывших соотечественников из ближнего зарубежья. С падением курса рубля становится выгодно приезжать в Россию и приобретать здесь дешевлеющие товары и услуги: бытовую технику, автомобили и др. Высокая волатильность национальной валюты делает ее менее привлекательной для мигрантов, в итоге сезонный приток мигрантов время от времени сокращается. В конкуренцию за рабочую силу активно вступает и Казахстан, и в перспективе потоки миграции в Сибирь могут «пересохнуть».

Что Россия и ее «парадоксальная сердцевина» могут сегодня предложить партнерам по Евразийскому экономическому союзу, ШОС, АСЕАН, БРИКС? Как ни удивительно, не только уникальную природу, ресурсную кладовую и транспортные коридоры. Всё это обладает высокой ценностью. Но этим не исчерпывается весь потенциал региона, который включает в себя уникальные продукты, созданные благодаря человеческим компетенциям, в том числе традиционным знаниям, столь необходимым, например, в освоении Арктики, куда сегодня стремятся получить доступ многие; разнообразные технологии (от космических до финансовых и государственных услуг), в разработке которых Россия сегодня имеет приоритет; наука и образование мирового уровня; богатая история и культура. Наконец, что важно для преодоления стигмы ресурсной экономики, организационные модели кооперации наукоемкого бизнеса и гражданского общества, сотрудничества технологических компаний и команд разработ-

чиков, нацеленных на производство конечного продукта и создание новых рынков [8].

Текущая геополитическая конъюнктура подталкивает Россию к восстановлению связей с соседними странами на постсоветском пространстве. Несмотря на более чем 30 лет, прожитых отдельно от них, главным средством коммуникации и инструментом «мягкой силы» России остается русский язык. Продвижение русского языка в Центральной Азии создает условия для знакомства с российской культурой. Общие этнические корни и религиозные традиции, «места памяти» и достопримечательные места, связанные с общим историческим прошлым, обладают для представителей тюркского и монгольского мира не меньшим символическим значением, чем реальные родственные связи и открывающиеся в перспективе переезда возможности.

Спрос на знания и умения, специфические для данных региональных и локальных условий, способность взаимодействовать с соседями на равных, без высокомерного патернализма, умение гибко реагировать на возникающие запросы и многие другие ценные стороны сибирского характера, востребованные в современном мире, превращают человеческий капитал населения Сибири, без преувеличения, в бесценный. Необходимость конвертировать его в большие проекты становится вопросом не только развития, но и ближайшего выживания. Задержаться на пороге новой «евразийской интермедии» означает потерять время и обесценить те результаты, которых удалось добиться в постсоветскую эпоху.

Литература

1. Ерохина Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. – 417 с.
2. Ерохина Е.А. «Поворот на Восток» и тренды современного регионального развития: сибирский вектор // Society and Security Insights. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 13–25. – DOI: 10.14258/ssi(2022)3-01.
3. Ильин М.В. Проблемы формирования «острова России» и контуры его внутренней геополитики // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 1995. – № 1. – С. 37–53.
4. Ильин М.В. Этапы становления внутренней геополитики России и Украины // Полис. Политические исследования. – 1998. – № 3. – С. 82–94.
5. Крюков В., Рыжков В. Сибирь как опора России: уроки прошлого и вызовы будущего // Россия в глобальной политике. – 2022. – Т. 20, № 1 (113). – С. 108–128. – DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-1-108-128.
6. Крюков В.А., Шмат В.В. Азиатская Россия – условия и препятствия поступательной диверсификации экономики макрорегиона // Пространственная экономика. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 34–72. – DOI: 10.14530/se.2022.1.034-072.

7. Академик Валерий Крюков: не стратегия, но декларация / подгот. А. Соболевский // Российская академия наук. Новости. – 2023, 16 февраля. – URL: <https://new.ras.ru/activities/news/ne-strategiya-no-deklaratsiya> (дата обращения: 16.11.2023).
8. Песков Д. Почему для России важен технологический суверенитет // РБК. Газета, – 2022. – 10 июня (№ 077). – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207> (дата обращения: 16.11.2023).
9. Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Отечество. Краеведческий альманах. – 1995. – Вып. 6: Сибирский краеведческий выпуск. – С. 84–98.
10. Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник, 2022. – М.: Росстат, 2022. – 1122 с. – URL: http://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Region_Pokaz_2022.pdf (дата обращения 16.11.2023).
11. Семенов-Тянь-Шанский В.П. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк политической географии // Пространственная экономика. – 2008. – № 2. – С. 144–160.
12. Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2020 года. Утв. распоряжением Правительства РФ 05.07.2010 № 1120-р. – URL: <http://government.ru/docs/32366/> (дата обращения: 16.11.2023).
13. Стратегия социально-экономического развития Сибирского федерального округа до 2035 года. Утв. распоряжением Правительства РФ 26.01.2023 № 129-р. – URL: <http://government.ru/docs/all/145780> (дата обращения: 16.11.2023).
14. Цымбурский В.А. Геополитика для «евразийской Атлантиды» // Pro et Contra. – 1999. – Т. 4, № 4. – С. 141–175.
15. Цымбурский В.А. Земля за Великим Лимитрофом: от «России-Евразии» к «России в Евразии» // Цымбурский В.А. Россия – земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 6–26.
16. Цымбурский В.А. Остров Россия // Цымбурский В.А. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы, 1993–2006. – М.: РОССПЭН, 2007. – С. 5–28.

References

1. Erokhina E.A. *Sibirskii vektor vnutrennei geopolitiki Rossii* [Siberian Vector of Russia's Internal Geopolitics]. Novosibirsk, NSU Publ., 2012. 418 p.
2. Erokhina E.A. «Povorot na Vostok» i trendy sovremennogo regional'nogo razvitiya: sibirskii vektor [«Turn to the East» and Trends of Modern Regional Development: Siberian Vector]. *Society and Security Insights*, 2022, vol. 5, no. 3, pp. 13–25. DOI: 10.14258/ssi(2022)3-0. (In Russian).
3. Ilyin M.V. Problemy formirovaniya «ostrova Rossii» i kontury ego vnutrennei geopolitiki [Problems of the Formation of the “Island of Russia” and the Contours of its Internal Geopolitics]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12, Politicheskie nauki = Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 1995, no. 1, pp. 37–53.

4. Ilyin M.V. Etapy stanovleniya vnutrennei geopolitiki Rossii i Ukrainy [Stages of Formation of Internal Geopolitics of Russia and Ukraine]. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*, 1998, no. 3, pp. 82–94.

5. Kryukov V., Ryzhkov V. Sibir' kak opora Rossii: uroki proshlogo i vyzovy budushchego [Siberia as Russia's Pylon: Lessons of the Past and Challenges of the Future]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2022, vol. 20, no. 1 (113), pp. 108–128. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-1-108-128. (In Russian).

6. Kryukov V.A., Shmat V.V. Aziatskaya Rossiya – usloviya i prepyatstviya postupatel'noi diversifikatsii ekonomiki makroregiona [Asian Russia – Conditions for and Obstacles to Progressive Diversification of Macroregional Economy]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 34–72. DOI: 10.14530/se.2022.1.034-072.

7. Sobolevskii A. Akademik Valerii Kryukov: ne strategiya, no deklaratsiya [Kryukov Valery: Not a strategy, but a declaration]. *The Russian Academy of Sciences. News*, 2023, 16 February. (In Russian). Available at: <https://new.ras.ru/activities/news/ne-strategiya-no-deklaratsiya> (accessed 16.11.2023).

8. Peskov D. Pochemu dlya Rossii vazhen tekhnologicheskii suverenitet [Why is technological sovereignty important for Russia?]. *RBK. Gazeta = RBK. News*, 2022, 10 June. Available at: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/06/10/62a0e95b9a79472d8b713207> (accessed 16.11.2023).

9. Potanin G.N. Oblastnicheskaya tendentsiya v Sibiri [Regional Trend in Siberia]. *Otechestvo. Kraevedcheskii al'manakh*, 1995, no. 6, pp. 84–98. (In Russian).

10. *Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli: statisticheskii sbornik, 2022* [Regions of Russia. Socio-economic indicators. Statistical collection (2022)]. Moscow, Rosstat Publ., 2022. 1122 p.

11. Semenov-Tyan-Shanskii V.P. O mogushchestvennom territorial'nom vladenii primenitel'no k Rossii. Ocherk politicheskoi geografii [About Powerful Territorial Possession in Relation to Russia. Outline of Political Geography]. *Prostranstvennaya ekonomika = Spatial Economics*, 2008, no. 2, pp. 144–160.

12. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibirskogo federal'nogo okruga do 2020 goda [Strategy for the Socio-economic Development of the Siberian Federal District until 2020]. Approved by order of the Government of the Russian Federation on July 5, 2010. No. 1120-r. Available at: <http://government.ru/docs/32366/> (accessed 16.11.2023).

13. Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibirskogo federal'nogo okruga do 2035 goda [Strategy for the Socio-economic Development of the Siberian Federal District until 2035]. Approved by order of the Government of the Russian Federation on January 26, 2023. No. 129-r. Available at: <http://government.ru/docs/all/145780> (accessed 16.11.2023).

14. Tsymburskii V.L. Geopolitika dlya «evrazijskoi Atlantidy» [Geopolitics for the “Eurasian Atlantis”]. *Pro et Contra*, 1999, vol. 4, no. 4, pp. 141–175. (In Russian).

15. Tsymburskii V.L. Zemlya za Velikim Limitrofom: ot «Rossii-Evrazii» k «Rossii v Evrazii» [The Land beyond the Great Limitrophe: from “Russia-Eurasia” to “Russia in Eurasia”]. Tsymburskii V.L. *Rossiya – zemlya za Velikim Limitrofom: tsivilizatsiya i ee geopolitika* [Russia – the Land beyond the Great Limitrophe: Civilization and its Geopolitics]. Moscow, URSS Publ., 2000, pp. 6–26.

16. Tsymburskii V.L. Ostrov Rossiya [Island Russia]. Tsymburskii V.L. *Ostrov Rossiya. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty, 1993–2006* [Island Russia. Geopolitical and chronopolitical works. 1993–2006]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007, pp. 5–28.

Статья поступила в редакцию 18.07.2023.

Статья прошла рецензирование 17.08.2023.

The article was received on 18.07.2023.

The article was reviewed on 17.08.2023.